

ПАМЯТЬ

К 80-летию Евгения Курдакова

ЕВГЕНИЙ КУРДАКОВ

ОЗЕРО. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ЛЕТА

ДНЕВНИКОВАЯ ПОВЕСТЬ-ЭССЕ

*Далеко от лугов, где ребёнком я плакал,
упустив Аполлона...*

Вл. Набоков "Слава"

1942

Уэльслей

*Не прощу себе ненаписанного "Залива" ...
"Ангел, бабочка, цветок..."*

У меня давно было желание пожить в одиночестве у большой воды, послушать птиц, шум воды и ветра, пропитаться этим и написать что-то такое, где ничего не происходит, где нет базара житейского и мирской суеты, а есть просто небо, волны, птицы и свободная душа.

Поселившись на Озере и очаровавшись им, я не думал, что то, от чего я сбежал, возвратится ко мне, неназойливо, властно, и вновь докажет, что от жизни бежать не просто не нужно, но и бесполезно.

22 июля, 1989 года, суббота

Долгая десятичасовая дорога на Зайсан: Усть-Каменногорск—Самарка—Курчум—северный берег озера: между Аксуатом и Кызылгузом, больше 300 километров с долгой переправой через Иртыш.

Сразу за Казнаковской переправой кончилась алтайская поздняя горная зелень и пошла унылая желтовато-сизая полынная полупустыня, где за всё

лето выпал лишь один дождь — 28 июня (о нём писали в газетах как о манне небесной)...

23 июля, воскресенье

Вчера приехали затемно, и, как только я выгрузил вещи, колья, дрова, машина ушла... В полумраке глотнул из фляжки холодного чая, лёг на полудразвёрнутую палатку, прикрылся ветровкой и замертво уснул...

Утром оглядел пустынный берег огромного светлого озера, где мне придётся прожить больше недели. Белёная, выжженная земля, светлая вода до горизонта, бесцветное небо; всё знойно, ветрено, залито солнцем...

В километре — несколько жилых землянок, глинистое арбузное поле, трактор, движок, прутья каких-то посадок: нищее кооперативное поле...

Перетасил вещи ближе к воде, над обрывчиком поставил палатку, побросал в неё вещи и сразу снарядил спиннинг: миллиметровая леска и тяжёлая блесна в ладонь с большим кованым тройником.

Ловил взаброд, уходя по грудь метров на семьдесят за границу взмученной воды.

Щуки брали сразу, по шлепку блесны: сильный удар, подсечка, и всякий раз утомительное и долгое вытаскивание бьющейся сильной рыбы на берег, ибо в воде с блесны её не снять...

Все мои действия сопровождали чайки, крича и едва ли не садясь на голову.

Ошкерив пару щук, нарубил их на куски. Потом разжёл костёр из дров, привезённых с собой, и поставил на огонь ведро воды для ухи... Когда вода забурлила, бросил в неё немного картошки, горсть пшена, пару луковиц и щепоть соли. Потом, ткнув ножом картошку — сварилась ли? — набросал в ведро нарубленной рыбы, сразу отодвинул угли от ведра: уха должна допариваться крайне медленно...

И пока варилась уха, я спустился к воде сполоснуть руки. Над головой прошлестела большая гусиная стая. Зрелище было любопытное: старые гуси обучали молодняк перестройке клина на ходу. Да, клин намного сложнее стаи, в принципе, это великолепно отлаженная биолокаторная антенна, безошибочно улавливающая притяжение древних земных разломов — этих вечных путей птиц и людей.

Передний гусь, очевидно, вожак, постоянно перекликается с задним. При повороте влево клин делается тупым, вправо — острым... В этом был какой-то глубинный смысл, накопленный видом ещё в ледниковый период, и видно, что молодым всё это давалось нелегко...

Мимо постоянно пролетали утки, бакланы, иногда цапли...

На гребне арыка застывшей мумией чернела скопа, алтайский каракуз. Зной, белое выжженное небо, невыносимо сверкающая вода...

Уха получилась отменной...

После вечерней рыбалки (десяток щук, пара судаков, несколько огромных окуней), когда шкерил рыбу, внимательно осмотрел щук. Да, здесь их две разновидности: толстая, короткая, серая — это озёрная, местная, и узкая, тонкая, зелёная — иртышская, проходная...

Квадратом вокруг палатки я вбил привезённые колья, натянул провод для вяления рыбы и сделал растяжки, чтобы не свалило ветром. Потом я выкопал метровую яму за бугром сзади палатки, спустил в неё толстый пластиковый мешок из-под удобрений, резиновым ведром натаскал в мешок воды и размешал в нём две пачки соли — получился крепкий рассол — тузлук, в который я свалил пойманную днём рыбу. Всё это я прикрыл емшаном — мягкой и пряной степной полынью, которая здесь росла сплошняком. Через пару дней, когда рыба просолится, её нужно будет промыть, и она перекочет на проволоку для вяления. А ещё через пару дней её можно будет есть...

Ночью слушал в палатке, как снаружи гудели мириады насекомых — зелёных травяных комариков, тех, что днём незаметно шныряли под ногами.

Звон нарастал, прокрадывался в глубину сознания, и, казалось, это звенит сама земля... И я уже знал, что —

*Из этого звона родится к утру
Всё то, для чего я живу и умру...*

Потом вдалеке жутко захохотали чем-то встревоженные мартины, зашумел ветер, травяные комарики как-то сразу тяжёлым дождём осыпались на палатку, забил, застучал в обрывы прибой, да так и грохотал до утра.

Перед сном вышел на минуту из палатки: над чёрным озером стояла пугающе огромная мутная луна... Центр Евразии...

* * *

Над Зайсаном потянули гуси...

24 июля, понедельник

Проснувшись, открыл палатку: озеро!

Сейчас, с утра, оно было синевато-стальное, тревожное.

На песке громоздилась гряда выброшенного прибоем камыша — вот и топливо мне на все дни. Косой ветер сбоку загоняет волну прибоя на берег, и волна непрерывно как бы бежит по кромке песка.

Да, озеро живое. Живое, как я. Оно дышит, спит, просыпается, двигается...

Полетели куда-то черноголовые чайки, вслед — две красивые крупные утки атайки с чрезвычайно быстрым и прямым полётом: они неслись, как выпущенные из катапульты...

Просматривая и снаряжая спиннинг, я спустился к воде. Красивая мокрая галька у берега блистала всеми цветами. Но поднятая в ладони, она тут же высыхала и тускнела. Да, цеолиты, гипсы, алебастры...

Снова пролетела стая чаек во главе с крупной цаплей, которая летела как-то легко, играючи. Голова в полёте откинута к туловищу: вылитый птеродактиль...

Куда это заторопились птицы?

Скопа, видимо, вчерашняя, с широким белым хвостом кружила над “своим” арбузным полем, видимо, высматривая мышей...

Опять с заброда выгнали с десятков щук и судаков, потом надоело. Я пропшерил рыбу, которую в этой жаре лучше обрабатывать немедленно, покидал балыки в тузлук и доел вчерашнюю уху. Она оказалась вкуснее свежей...

На берегу ругались чайки из-за оставленной мною обрезки, а я решил посмотреть окрестности.

Ходил километров за пять к саксаульникам на правом мысу, которые я приметил ещё утром. Может быть, как раз эти заросли и дали название берегу этого залива — Караганды... Неподалёку виднелся хорошо ухоженный бахчевник, постукивал движок. Как-нибудь надо заглянуть и туда...

Саксаул рос прямо из песка, на буграх высокого берега. Внизу всё побережье было сплошь обваловано чёрными истлевающими камышовыми плавнями. Собственно, это был уже полуторф, который кое-где слабо дымился. Видимо, кто-то нерасчётливо жёг здесь костёр. Сейчас в плавни лучше не соваться, ничего не стоит провалиться в невыгоревшую тлеющую яму, запарошенную мусором, да и сгореть заживо. Такие случаи уже бывали...

На узкой песчаной косе восседали огромные мартины. Не те ли, что гомонили и хохотали ночью? Рядом отдыхали утки, чибисы, чайки, а вдали, в глубине залива крейсировало несколько величественных пеликанов. Последние годы они постоянно летовали на Зайсане...

Неожиданно пролетела саксаульная сойка, похожая на карликовую сойку. Я пошёл посмотреть, кто её спугнул, — оказывается, здоровенный ленивый полоз, который, почуввав меня, стал комком собираться в развилке дерева...

После обеда, то есть после ещё не надоевшей ухи, которую в этот раз я сварганил уже из одних щучьих и окунёвых голов, пришлось заняться хлебом, который уже начал черстветь. Ничего не поделаешь, нужно было резать

его на сухари и раскладывать сушиться на солнце... Потом я лёг в тени палатки, глядя в пустынное белёсое небо.

Время остановилось, я его просто не чувствовал, это было верным признаком духовного оздоровления от бестолочи и гула жизни...

Господи, да за этим я и приехал сюда!

На вечерней рыбалке, до того, пока какой-то огромный судак не оборвал мне блесну, успел вытащить несколько щук и окуней и, к своему удивлению, огромную пёструю сорожку, то есть плотву, весом с килограмм. Никогда даже и не слышал, чтобы сорожка брала на блесну, случайно зацепилась, наверное...

Вечером опять куда-то большими клиньями потянули гуси, и я вдруг вспомнил, что сегодня день рождения отца, ему исполнилось бы 77 лет... Я достал фляжку, нарезал колбасу и помянул отца под фантастический салют огромных звёзд, ещё не затуманенных тяжёлым светом встающей луны...

И опять долгое засыпание под запах емшана и неумолчный звон живой жизни вокруг...

25 июля, вторник

Утром открыл палатку и вздрогнул: озеро до самого неба. Никак не могу привыкнуть...

Ветер западный, небо чистое: будет жара...

Далеко слева на крутом мысе Кзыл-Огуз (Красный Бык) то и дело возникали небольшие вихри-смерчи и, прогулявшись немного по степи, исчезали. Надо бы как-нибудь сходить туда, посмотреть, как рождаются смерчи...

Против ветра низко, в метре над водой летели бесконечной чередой птицы: чайки, утки, бакланы, цапли...

За ночь на берег выбросило ещё один вал разного водяного хлама, старого камыша, водорослей, травы.

Самоочищающаяся способность озера поразительна. Да, это воистину огромный живой организм не только со сложным биоценозом, но и с непрерывной работой воды, впитывающей в себя огромное количество солнечного тепла, кислорода и беспрестанно перемешивающееся ветром. Озеро чисто по самой своей сути, как человеческое дитя. Чиста вода, чисты берега, чисты рыбы и птицы озера.

Вода прозрачна и очень мягка. Все соли и растворы давно вынесены вон из озера гигантским внутренним потоком Иртыша, пронзающим озеро насквозь. Это один из самых старых водоёмов Земли, ему, страшно подумать, 60 миллионов лет, верхнемеловой период. Миллионлетний Байкал — младенец перед Зайсаном, который помнит ещё динозавров, окаменелые яйца-ядра которых находят на его высоких террасах...

Есть ещё одна особенность Зайсана: ложе его из окаменевшей глинистой гальки — мощнейший и надёжнейший фильтр. Это ложе, утрамбованное и выглаженное мощным потоком Иртыша, беспрерывно и многократно процеживает воду, а золотоносные речки с хребтов Манрака, Саура и Тарбагатая, впадающие с юга, облагораживают воду ионами золота. Потому здесь так быстро заживают раны, так вкусна, почти целебна рыба, густой бульон из которой (уха) бодрит, омолаживает, очищает...

Облака обходят озеро, они его как бы перепрыгивают по дуге, над куполом тёплого влажного воздуха, стоящего всегда над водой; дожди же выпадают всегда в отдалении. Три сотни солнечных дней в году, это больше, чем в Крыму, но в Крыму нет этой массы живой пресной воды...

Размышлял я об этом, когда рыбачил, стоя по грудь в воде. Солнце палило нещадно, приходилось то и дело окунаться в воду, но и сквозь рубашку, которую я не снимал, и сквозь шляпу постоянно ощущалось мощное давление жгучего ярчайшего света. Живого, но опасного, если не знать коварных облучающих свойств его пламени...

После обеда из похлёбки с тушёнкой (уха уже стала приедаться) я промыл от тузлука первый улов и вывесил рыбу на проволоку для провяливания.

Какое-то время я с удовольствием обзирал серебристые, жирно-прозрачные балыки, потом прикрыл их от мух марлей, которую всегда возил с собой на “большие” рыбалки — иначе рыбу не сохранишь...

Вечером снова густейший звон — журчание мириад зелёных полынных комаров. Воздух буквально пропитан ими, это уже не воздух (в метре над землёю), а живой бульон, взвесь жизни, почти единый зыбкий организм, своеобразный Солярис, причём вполне мыслящий, вернее, разумный.

И вновь, когда я в палатке зажёл свечу, по парусине застучал гулкий, нарастающий словно бы дождь: так комары реагировали на свет...

Когда этот дождь участился до густого, “осеннего”, я задул свечу, и стук мгновенно прекратился, зато стал отчётливее колеблющийся журчащий звон... Сколько жизни на земле!..

Укладываясь в спальник, я неожиданно вспомнил ходячие журналистские бредни о Зайсане. С чьей-то нелёгкой руки его название переводили, как “озеро звенящих колоколов”. Перевод был столь же нелеп, как и безвкусен. Если уж быть до конца патетичным, то Зайсан лучше назвать озером звенящей и плещущей неистребимой жизни.

На самом же деле это древнее бореальное (то есть ещё общеязыковое) название было предельно простым и точным. Номинатив ZAISAN обозначал Водное Обетование Живого. Вполне возможно, что так его называли древнейшие насельники этих мест, бродяги-ихтиофаги (рыбоеды), о которых у Геродота сохранились туманные полуфантастические сведения... Поэтому и до сих пор в некоторых языках Востока зайсанами зовут господ, распорядителей, начальников, то есть “дающих” и “кормящих”...

Но это я додумывал уже, наверное, во сне...

* * *

Во время штормов гибнет много молодежи, берега бывают почти сплошь усеяны мальком судака.

Вчера, когда рыбачил, судачок взял блесну из-под ног, когда я, осматривая катушку, случайно дернул несколько раз леску. Маленький хищник не выдержал блеска железки и обречённо повис на тройнике.

На Западном мысе килограммовая щучка взяла на червя. Удочка с леской 0,2 мм еле выдержала. На удочку при волнении рыбачишь вслепую. Просто время от времени поднимаешь удочку и иногда там кто-то сидит, сорожка или подлещик.

Вода у берегов мелка, рыбачить можно только с лодки или взаброд, иногда до 100 метров. В округе нет ни одного сразу глубокого места. Взаброд на ветру трудно выдержать больше 2-3 часов, особенно утром, когда воздух ещё не прогрелся.

26 июля, среда

С утра, отловив свою “норму” рыбы, в этот раз я не стал её обрабатывать, а запускал живьём в небольшую закрытую лагуну ниже палатки. Я решил прогуляться к далёкому мысу слева, там, где вчера я видел какие-то зарождающиеся смерчи или вихри. Не давало покоя ещё и его странное название — Кзыл-Огуз (Красный Бык), а у меня вообще была слабость к необычной топонимике.

...Аул на высоком мысе, два десятка домов. Рядом — обрывы со страстиграфией бывшего Празайсана. Всё было на этой планете. Сверху — песчано-лёссово-галечная пустыня. Через 2 метра — галечные пласты, как слоёный пирог, — это рушились горы, скатывалась галька. Потом слой жёлтой охры с опресневшей цементной коркой. После накопления охр, видимо, было, ох, как жарко на планете. Ниже охр — серые жирные глины. Ещё ниже — глины бурые, похожие на перебродившие торфы. И в самом низу — чёрные глины — илы древнего Зайсанского моря — заливы Сибирского океана.

Мазар наверху плато. Где-то предвоенный. Нищий, глиняный мазар, из ям торчат полусгнившие деревянные перекрытия. Кованные вручную гвозди.

В Заливе перед Кызыл-Огузом у меня сошла у самого берега огромная, килограммов на десять, щука. Слава Богу, а то тащить назад.

Сегодня наконец-то почувствовал зайсанское солнце. В небе — ни облачка, ни дымки. Солнце жжёт отвесно, откровенно, безжалостно. Начинаю обгорать.

Заметил, когда наклонялся за рюкзаком, что совершенно свободно беру с земли предметы, не чувствуя большой спины. Лечит, лечит озеро, солнце...

...Сейчас, в полдень, озеро под палаткой серо-серебристое, всё посверкивает бликами волн. Передо мной только две линии — граница берега и граница водного горизонта, по которому вот уже два часа тянется похожий на длинный ботинок, чуть видный силуэт самоходной баржи. Изредка пролетают птицы, чаще серые чайки, стрижи, иногда утки и гуси.

Солнце, небо. Вода, песок, птицы, рыба... Мир прост, незапутан и внешне пустынен, но до предела наполнен жизнью. Впрочем, он сам — жизнь.

Берег беспощадно сух, гол, в сухой колочке и огромном количестве нор. Здесь если и есть жизнь, то она под землёй. Впрочем, все кустики — в мириадах зелёных комаров, которые тучами вылетают из-под ног. Это ночные певцы, заглушающие даже Озеро.

После обеда рыбачил удочкой и спиннингом. Поймал 3-4 щуки, 3 огромных окуня и 10 сорожек.

Вечером сильнейший штиль. Озеро — точное отражение неба: голубовато-розовое с золотом на западе. Воду и небо невозможно было бы отличить, если бы не тонкая полоска противоположного берега, вернее, гор.

В штиль можно убедиться, что Зайсан — куполообразен: громадное вздутие прозрачайшей воды. Это оттого, что озеро лежит на дне громадной чаши, и, описывая собою земную кривизну, оно как бы выпирает на дне чаши.

Сильно устал, перегрелся, перегорел. Всё же солнце здесь опасно. Сильная тошнота, слабость, ничего не ем.

Ночью при луне озеро чёрное, берег белый, небо в звёздах. Чернота без деталей, глухая, глубокая. Озеро не принимает лунного света.

Лёгкие блики под луной.

27 июля, четверг

Моя палатка на краю обрыва сразу почувствовала южный ветер, поднявшийся с утра. Парусина надулась. И палатку стало мягко выдавливать вон с берега. Сильный прибой — шелестящие удары с гулом. Утро светлое, просторное.

Зайсан темнее обычного, словно ещё хранит ночную тьму в себе.

Чайки дежурят у промоины, где, как в садке, плавает вчерашний улов.

Утки спешат на западные заливы.

Снова день. Снова зной и ветер.

...Озеро к обеду стихает. Штук 700 чаек отдельными стаями потянулись на западные заливы — там, видимо, пожива, рыбозавод снимает сети. Оповещение у чаек превосходное.

Гусей всё же мало. Летят чаще выводками, цепочками, реже клином.

Опустевает природа. Только рыбы ещё достаточно.

Самая лучшая рыба на Зайсане — своя, то есть туземная, эндемичная: окунь и сорожка. Сазан (балхашский пришелец) тоже хорош. Но, пожалуй, только весом, количеством мяса. Окунь и сорожка вкусней. Судак болеет — много его с язвами, наверное, ему по душе вода солоноватая.

Древние кочевники-ихтиофаги, наши предки из палеолита, — интересно, как они консервировали рыбу без соли? Просто сушили?

Трудно поверить, глядя на эти голые песчаные берега, что здесь когда-то в изобилии водились кабаны и тигры. Впрочем, озеро было вдвое меньше и было окружено густейшим ожерельем камыша. Камыш после затопления погиб, а его торфяная основа всплыла и десяток лет плавала по озеру островами-плавнями. Теперь плавни догнивают по берегам заливов.

Песок горяч невыносимо. Над притихшим озером — слабое марево — это испарения. Горизонт в такое пекло выцветает, и вода почти сливается с небом.

Перед обедом часа два рыбачил. Взброд по грудь. Вытащил семь щук, одна килограмма на четыре, и окуня.

...Моя чайка. Это, видимо, старый самец серой чайки. Большой, как селезень, он садится рядом на воду, глядя, как я спиннингую. Иногда он взлетает и провожает блесну, не вынося её рыбьего блеска. Вчера я шкерил щук и оставил ему потроха на песке. Впрочем, он резонно рассудил, что это будет постоянно. Что ж, пока я здесь, постараюсь обеспечивать ему ужин.

Щука берёт сразу после шлепка блесны. По ходу — гораздо реже. Рефлекс на звук не менее важен рефлекса на блеск.

После хватки щука идёт какое-то время спокойно, наверное, не соображая, какая сила её выталкивает вон из воды. На полпути она приходит в себя и начинает энергично сопротивляться, а у самого берега устраивает буйство. Вот здесь как раз чаще всего она сходит.

Пасть у щуки — это капкан с многорядными зубьями.

Пасть у судака — костистый тоннель.

Пасть у окуня — западня.

...Серая чайка оказалась самкой. Она привела большого, как сама, чайёнка, клевать щучью голову, плавающую на отмели. Тонкое нежное ржаньегогот, заканчивающееся свистом.

...Штиль, страшное пекло. Прошло овечье стадо, овцы дышат открытым ртом, громко, хрипло, прячут головы в тень друг друга. Спасение в плотном стаде. Козы, более сообразительные, идут по кромке воды, где копытам не так жарко.

...После полуденного штиля задул ветер с востока, из Синцзяня. Жаркий, обжигающий ветер, как из печи. Котловина озера постепенно наполнилась пеклом, озеро потемнело и вздулось волнами. На дальнем возвышенном мысе поднялся пыльный смерч, потом другой, третий. Они вздымались всё выше, жёлтые и дымные, кружа и переплетаясь, исполняя какой-то страшный бесшумный танец. Потом они покатали на стоянку, и я боялся за свою хлипкую старенькую палатку, но смерчи прошли стороной.

Ночью сильный обжигающий ветер, палатка, полная песка и пыли, еле выдерживает напор суховея. Прибой не просто шумит — грохочет. Небо чисто, продуто, огромные звёзды.

...Озеро. Днём в штиль зелёный комар полчищами двинулся к воде и полчищами погибал в ней. Озеро вдоль берега сплошь покрылось плёнкой комаров, и плёнка эта постепенно росла. Эфемериды. Ночью прибой работал, как огромный комбинат с шипящими автогенными цехами и мощным пресс-молотом.

Трудно заснуть в тяжёлой духоте палатки, забитой песком и рвущейся с кольев, под рёв неумолчный прибоя.

28 июля, пятница

Открыл палатку — грохочущее озеро гонит грязную волну на берег тяжело и единообразно. Первый раз озеро предстало в таком неприглядном виде. Рыжий цвет солнца, оцветившего с востока спины волн. На небе хлопья облаков, может быть, погода изменится. Противоположный берег виден на редкость отчётливо: отроги и вершины Манрака и тонкая полоса степи, уходящая справа за водяной горизонт: западнее озеро гораздо шире.

Чайки, утки с утра начали своё движение на кормёжку. Вчера видел гусей, летящих не углом, а буквой М. Видимо, соединились две стаи и ни одна не хотела уступить лидерства.

Ласточки жмутся к обрывам, сильный ветер выносит их вон — к воде, но они кульбитами всё же возвращаются на маршрут.

Купался. Вода рыжая, волны полуметровые, сбивают с ног, вообще Зайсан страшен в такой ветер. На мысе Кзыл-Огуз опять кружили смерчи и опять прошли стороной.

Ветер неожиданно, в 10–15 минут сменился с восточного на западный и шквалами ударил вдоль берега. Началась сильнейшая пылевая буря. Ветер погнал тучи песка и замёл спуски в землянки.

Палатка, бедная моя двадцатилетняя “памирка” сложилась пополам и стала трещать по швам. Пришлось положить её на землю, прижав кольями, а вещи перетащить в землянку.

Пошёл дождь, прибил пыль, и вот я, наконец, подняв палатку и вновь обустроившись, оглядываю при свете свечки прошедший сумасшедший день.

...Свиреп же бывает Зайсан, всё у него чрезмерно, во всю силу. Сегодня он так и не успокоился, порыбачить не удалось, хотя спиннинг кидал в эти огромные мутные волны: пробовал новую катушку. Волны сбивали с ног, накатываясь беспрерывно, а рыба, конечно же, отошла в глубину.

Хоть бы ночь переночевать, ветер опять крепчает, и Зайсан шумит страшно.

Чувствую, моё идиллическое отношение к озеру исчезает. Трудно здесь, — и это не последние сюрпризы озера... В палатку бьёт сильный дождь — хоть бы не пришлось убежать в землянку.

29 июля, суббота

Утро тихое, солнечное. Зайсан успокоился. Рыбачил, поймал 8 щук и двух судачат.

И всё же прекрасно озеро, когда штиль и солнце. Снуют ласточки над обрывами, покрывают чайки над водой, хохочут мартыны. Над степью тянут гуси, и стаи розовых скворцов взрываются с полынного пригорка. Наливаются арбузы на бахчах, стучат дизели насосов, — но там, вдали, над мысом Бархот, вновь подымливают вихри, пока ещё слабые, чуть видные.

* * *

*В мареве высоком и туманном,
На исходе ветреного дня
Потянули гуси над Зайсаном,
Меж собой устало гомоня.*

...Опять в штиль вода слилась с небом, и невозможно отличить, где одно переходит в другое.

...На мысе Бархот стоит землечерпалка, грузит песок на баржи.

Рядом, в урочище Киин-Кириш, — цветные охры. Прекрасный пигмент для красок и сфера применения возможного кооператива.

Охра, цемент, алебастр — копай, дробь, укладывай в мешки и продавай дачникам, цветоводам, животноводам, отделочникам.

Последняя ночь. Гроза в округе. Молния над Зайсаном. Раскаты грома. Волки.

* * *

*В мареве горячем и туманном
На исходе ветреного дня
Потянули гуси над Зайсаном,
На ходу устало гомоня.*

*Потянули чибисы и чайки
Вслед туда, где в розовый закат
Торопливо выпорхнули стайки
Первых звёзд, мерцающих вразлад.*

*К ночи ветер стихнет понемногу,
И высокой млечной полосой
Звёздную гусиную дорогу
Ночь отметит в бездне вековой.*

*И опять сомкнутся до слиянья
Ширь воды и берега вдали,
Где хранятся, как предначертанья,
Знаки неба в памяти земли.*

Наброски к “Озеру” и “Заливу”:

Жизнь отвлекает от озера, вбирает в себя. Всё чаще ухожу в землянки, разговариваю с кооператорами.

“Архангельский мужик” — открытие перестройки. Но этих мужиков немало, и большинство из них так и канули в безвестность, сломавшись в бесконечной борьбе с бесчеловечным строем жизни.

Сломался и умер, надорвавшись, **Кузьмин*** в Катаве, железный мужик, мечтавший о большом хозяйстве. Он председательствовал в колхозе, бился о стену и, увидев, что система непробиваема, ушёл в частники. Держал лошадей, скотину, сажал в лесу тайные картошечные огороды.

Он выезжал зимой на санях, запряжённых прекрасным сытым конём. Рядом мчалась страшная красивая собака, а на санях стоял его знаменитый красавец — козёл, чёрный и зеленоглазый, как чёрт, ничего и никого не боящийся. Больше всего он любил сигареты, — жевать, конечно, и выпрашивал их у мужиков.

Заказать что-то в нужном количестве — стройматериалы, технику, горючее — невозможно, хотя, в принципе, всё есть. Действуют обмены, знакомства, обходные пути. Механизма Дела — не существует:

- а) запутанное землепользование и землевладение;
- б) не отрегулированы деловые взаимоотношения;
- в) везде и всюду между деловыми работающими людьми встаёт промежуточным тормозом чиновник;
- г) подозрительная, недоверчивая финансовая система;
- д) двусмысленный статус кооператива;
- е) надзаконная, превышающая власть местных ведомств — милиции, маленьких директоров и начальников, председателей, которые, в свою очередь, раболепно исполнительны, опять-таки не перед законом, но перед вышестоящими чиновниками.

Россия — страна казённая.

Как остаться честным, открыто-энергичным, процветающим хозяином в этой системе?

Маяковский: “Я знаю — город будет, // я знаю, саду — цвести, // когда такие люди // в стране Советской есть...” — этот барабанный гимн “покорителей” природы ли, нормальной работы, к сожалению, вошёл не то что в плоть, в самую государственную суть. Вечное покорение, война, напор, надрыв, которому лицемерно придали благообразное название “энтузиазм”.

Один из вождей, знавший, что за этим словом кощунственно и лицемерно прячется многое: бардак, неразбериха и маргтышкин труд — так до конца дней своих не смог его выговорить правильно и, ломая челюсти, произносил “энтуазизм”.

* * *

Иногда вставать не хотелось. Сквозь сон я ещё слышал... и снова проваливался в сон, чтобы проснуться, наконец, от яркого солнца, бьющего в полог, и от громкого треска скворцов.

Эта большая стая слепышей и взрослых, кочующая здесь по береговым холмам Залива, каждое утро опускалась на палатку и кучи плавника, собранного мною для костра. На высвеченном солнцем брезенте, как на японском экране, передвигались и порхали тени птиц, такие отчётливые, что различалось каждое пёрышко крыльев, и по прозрачности их можно было легко определить, слеток это или взрослый скворец.

* Муж М. Ф. Кузьминой, тёти по отцу Е. В. Курдакова. Проживал в Челябинской области.

Немного погодя стая разом, как по сигналу, с шумом поднималась и улетала. И я тоже вставал и выходил из балагана на солнце. К слепящей воде Залива.

* * *

Сильный шелест в небе, со свистом: огромная (десятки тысяч) стая скворцов, волнообразно разворачиваясь, пронеслась над холмами, плавно и гибко обтекая вершины. Внутри стаи — несколько рыжих канюков, которые, не отставая, как приклеенные, проделывали вместе со скворцами все их стайные манипуляции. От этих хищников, кормящихся скворцами, стае уже не избавиться. И здесь подобие некоей административно-паразитической прослойки...

* * *

Чайки, возбуждённо крича, взмывали в воздух, носились над головой и рассаживались у самой кромки воды, ожидая, когда я начну шкерить рыбу.

Я насаживал живцов, забрасывал закидушки и брался за рыбу, разделявая её через хребет на балык. Обрезь и кишки я выбрасывал чайкам, и вода кипела от пикирующих вниз птиц.

...Было безветренно. Залив зацвёл ещё с утра, и слабая полоска жидкой зелени, ещё вчера окаймлявшая берега, набухла и расплзалась прямо на глазах. Жгуты микроскопических слизистых водорослей вытягивались далеко от берега, и сплошное тёмно-зелёное слоевище их, пузырясь, как бы слабо дышало.

Я заметил, что граница слоевища там, далеко от берега, очерчивает какой-то неслучайный контур. Не берег ли это затопленного водохранилищем Иртыша? Водоросли, как и утренний бриз, точно фиксировали начало материнских глубин, и Иртыш, даже затопленный, брезгливо отодвигал непрошенных обитателей тёплых мелководий.

Мне показалось ещё, что слоевище водорослей отпечатывает собою ещё нечто — там, где затонувший гребень бывшего берега был выше, водоросли были явно зеленей: видимо, они чутко откликались на глубину воды.

Различались и мелкие отдельности рельефа дна, какие-то круги, полосы, квадраты... Возможно, эти неясные и зыбкие отпечатки были плодом моего воображения, но... Может быть, это было и впрямь едва видимым негативом рельефа бывшего мыса, на котором сейчас проступили черты бывшего андроновского поселения. Здешные места как раз были одним из центров древней культуры бронзового века...

...Сколько я здесь? День, месяц, год? Почему опять растянулось и перепуталось время, превратившись просто в жизнь, и почему всё, оставшееся там, в городе, — телефоны, мастерская, трамваи, пишущая машинка, рукописи, друзья, семья, книги, — стало маловажным, случайным и далёким? Может быть, от одного, самого главного, — от предчувствия возможной, но не сбывшейся судьбы, от мгновенного соприкосновения с должным, но навсегда потерянным?

Вот и опять над берегом притихшего залива запорхали чибисы, опять подул прохладный бриз с холмов, и на востоке низко зажглась вечерняя звезда. Вот и лодка деда заметно продвинулась к берегу, а значит, пора разжигать костёр и варить ужин. И, поднявшись на обрыв, к балагану, я последний раз оглянулся на закат, заливавший золотом запад.

* * *

Он был полон тайн, мой Залив. Не имея ничего, кроме воды, неба и голых пологих берегов, он притягивал к себе неудержимо. Иногда зимой в городе в самую рабочую глушь, в стремительно набежавшей усталости от суеты, говорильни, бестолковщины достаточно было просто запереться

в мастерской и, бросившись на топчан, полежать с час, вспоминая простой балаган деда, жёлтый каньон, выходящий к воде, кучи плавника на берегу, опутанные водорослями и старыми сетями, мокрый песок у кромки воды, плотный, с чёткими бороздами перловиц, — достаточно было вспомнить хотя бы это, чтобы как-то не то чтобы успокоиться, но, может быть, просто устыдиться временной потери разницы между суетой и вечностью...

А лучше было не только представить Залив, но и услышать его в себе, его прибой, птиц и даже ту редкую тишину по утрам, когда ещё темно, но звёзды уже померкли, и слышно только, как позвякивают живцы в ведре, неугомонные живучие семидырки, выловленные в ручье каньона...

День начинался с жаворонков. Там, где-то в стороне, над сухими холмами, раздаётся вдруг короткая трель, чуть осязаемая, как просверк, как звон в ушах, — и смолкнет так надолго, что подумается: не показалось ли?.. А немного погодя неожиданно обнаружишь, что в той стороне, заливаясь, журчит другой жаворонок, третий — и вот уже все жаворонки округи развесили звоны свои у кромки ночи прямо над восходящим солнцем...

Это было тоже одной из тайн залива и его пустынных берегов. Всю его сложную музыку можно было до конца понять, только собрав всё по отдельности, по всплеску, по звону, по шелесту откатывающихся и набегающих волн...

Позже поднималась рябь, скользила по воде, крестила её линиями и полосами, обозначая пути шквалов, а к полудню Залив сильно раскачивало, он становился шумным, гулким, тесным. Какие-то круги, словно бы масляной, ровной, без волн, воды, часами стояли посреди кипящей зыби залива, и это было тоже необъяснимо.

К вечеру появлялись чибисы. Они прилетали из низины, заваленной гниющими камышовыми плавнями, и с печальным кывыканьем начинали вечерний облёт берега. Издали их можно было принять за необычных чёрных чак-ек, но полёт сразу же выдавал их — полёт их не был похож ни на что. Так порхают ещё только бабочки и летучие мыши, зигзагообразно колтыхаясь из стороны в сторону, легко и непредугаданно меняя направление...

Полыхал костёр, в его свете вдруг резко оживали вещи при балагане: старые сети, вёсла, сапоги, а округа темнела и делалась неразличимой...

А ночью, проснувшись, как от толчка, и открыв в темноту глаза, вдруг услышишь мощный звон степи, волнообразно зудящий, восстающий как бы из самой земли, этот стрекот миллионов крошечных живых существ, камышовых комаров и ночных сверчков, поющих так слитно и единогласно, что поймёшь вдруг, что они все — не маленькие отдельные, но единый живой организм, который сам, в свою очередь, часть чего-то ещё большего, того, к чему принадлежат рыбы и птицы залива, его вода, ветер над водой — и я сам, не одинокий здесь, а растворённый навечно...

1989

*Публикация Ю. Е. Курдаковой
г. Усть-Каменогорск*